

Уолтер Лакер

Размышления о терроризме - старом и новом

История терроризма уходит корнями в глубокое прошлое, но сам факт, что такая история существует, часто игнорируется и даже скрывается. В основном это связано с тем, что терроризм не всегда проявляет себя с равной интенсивностью, и бывают промежутки времени, когда о нем почти ничего не слышно. В результате, когда терроризм возобновляется по прошествии периода относительного затишья, его, как правило, начинают воспринимать как новое и беспрецедентное явление. Может быть, раньше присутствовала еще и тенденция воспринимать его историю (если таковая имелаась) как нечто не слишком важное по сравнению с историей той социологической ситуации, на фоне которой он начинал действовать. Изучение психологии терроризма никогда не было в моде, особенно в XX в., когда к подобным штудиям относились без особого восторга - отчасти из соображений политкорректности (сама мысль о том, что некоторые людские коллективы могут быть агрессивнее других, считалась чем-то не только ошибочным, но и попросту отвратительным). В итоге оставались без ответа многие важнейшие вопросы - например, почему среди людей, разделяющих одни и те же убеждения, одни обращаются к терроризму, а другие - нет. Кроме того, существовал, без сомнения, и ряд объективных причин, тормозивших исследования психологии терроризма на широкой основе.

Моя книга «Терроризм», вышедшая первым изданием в 1977 году и дополненная позже томом «Геррилья» (в последующих изданиях - «Партизанская война»), была переведена на семь языков и стала своего рода классикой жанра. Мною была предпринята попытка продемонстрировать, что изучение истории терроризма - отнюдь не пустая трата времени, но

занятие, позволяющее пролить хоть какой-то свет, например, на условия, при которых терроризм имеет обыкновение возникать, а также на обстоятельства, способствующие его процветанию или неудаче. Изучение истории терроризма - не палочка-выручалочка и не ключ к разгадке всех тайн сегодняшнего терроризма; но в ситуациях, когда иных удовлетворительных объяснений просто не было, с его помощью не раз удавалось найти весьма полезные ориентиры.

Книга была также одним из первых исследований, показавших, что у доктрины терроризма есть долгая традиция, зародившаяся в начале XIX в., если не еще раньше. Тем, кто изучал терроризм, были хорошо известны Бакунин и Нечаев, но творчество Карла Гейнцена и Иоганна Моста (оба - немцы по происхождению, оба эмигрировали в Соединенные Штаты) оказалось забытым, хотя их учения во многом предвосхитили откровения модных в 1960-е гг. теоретиков терроризма, каковыми являлись Франц Фанон, Маригела или Режи Дебре.

История терроризма не способна учить нас напрямую - разница в условиях, существовавших в различное время и в различных странах, слишком велика. Но определенные модели, тем не менее, явственно сложились, и к ним относится, например, тот факт, что терроризм на протяжении всей своей истории редко оказывался политически эффективным и часто имел последствия прямо противоположные своим целям, т.е. вел не к освобождению, а еще большему регрессу, и что марксизм был скорее прав, чем не прав, утверждая, что массовые акции способны принести больший успех, нежели деяния горсточки лиц - пусть даже отчаявшихся и мужественных.

В то время подобные открытия не находили всеобщего признания, и их тогдашняя критика заслуживает того, чтобы о ней вспоминали и сегодня, четверть столетия спустя. Кое-кто возражал против самой идеи изучения истории терроризма - ведь разве не правда, что из-за террористических действий правительств в мирное и особенно военное время было убито во много раз больше людей, совершено больше жестокостей и нанесено больше ущерба? Такая попытка стереть грани между различными видами насилия или, по крайней мере, преуменьшить их значимость не привела ни к чему, кроме замешательства и подтасовок. То, что диктаторские правительства обрекли на смерть больше людей, чем террористы, не

вызывало сомнений - ибо у правительства всегда несравненно больше средств принуждения и разрушения, чем у его врагов. Но что могло дать, скажем, сопоставление нацистского геноцида евреев с деятельностью российских террористов в XIX в.? Подобная путаница стала уделом не одних лишь специалистов - еще сильнее ею грешили средства массовой информации, и книга автора, несмотря на весь свой заряд, мало чего добилась в объявленной ею войне безоглядному использованию ярлыков - будь то намеренному или по неведению. В средствах массовой информации на долгие годы вошло в моду ставить знак равенства между понятиями «партизан» и «террорист» или видеть в термине «городская геррилья» эквивалент понятия «терроризм». Средства массовой информации стремились продемонстрировать свою беспристрастность ко всем участникам конфронтации, и поскольку, исходя из тогдашних представлений, согласно которым тот, кто для одного человека - террорист, для другого - борец за свободу, следовало найти термины, которые бы не оскорбили ни одну из сторон; термин «террорист» нес значительную смысловую нагрузку, причем негативную, тогда как образ «партизана» был более позитивным, и предпочтение отдавалось ему. Поэтому я постарался показать в своей книге, что между двумя понятиями существуют серьезные различия, хотя некоторые экстремистские движения использовали тактику как партизанской войны, так и терроризма. Эти различия более четко осознавались самими террористами, нежели средствами массовой информации и иными политологами. Гевара и Дебре не скупилась на обличения «городского» терроризма, который они считали гибельным для революционного движения.

То, что я писал об этих огромных различиях, было абсолютно правильным для своего времени; сказанное мною уже не столь верно сегодня - учитывая важные перемены, произошедшие в характере терроризма за последнее десятилетие, о которых будет говориться в данной публикации.

Непонимание природы терроризма, существовавшее в 1970-е гг., можно отчасти объяснить политическими причинами. В то время терроризм носил, как правило, левую окраску, и неудивительно, что комментаторы, разделявшие столь же левые убеждения, обосновывали его теоретически с позиций, далеких от недружелюбия (скажем так) к террористам. В этих кругах утверждалось, что терроризм

всегда возникал там, где существовало угнетение - социальное или национальное, что у террористов были реальные и законные основания для недовольства, а отсюда делался вывод: как только эти основания будут уничтожены, исчезнет и сам терроризм. Короче говоря, в терроризме видели революционный феномен; в жизнь же он претворялся людьми бедными и отчаявшимися, и, следовательно, относиться к нему надлежало с пониманием и сочувствием.

Без сомнения, истории известны и террористические движения, ставившие своей целью избавление от гнета тиранических режимов, но в недавнем прошлом их роль стала менее заметной, чем в предшествующие периоды. Терроризм чаще всего возникал не при самых деспотических режимах, а, напротив, в условиях относительной свободы. Более того, из истории следует, что терроризм никогда не был вотчиной левых революционеров: к нему по меньшей мере столь же часто прибегали и крайне правые, фашистские или протофашистские движения. Фактически в основном левый терроризм 1970-х гг. сменился затем терроризмом, который не имел ничего общего с традиционными идеалами левых, и это поставило тогдашних теоретиков в весьма затруднительное положение. Они уже не могли утверждать, что «тот, кого одни называют террористом, для других - борец за свободу» или что требования неонацистов были законными («уберите эмигрантов, приехавших из «третьего мира» - и терроризма больше не будет»).

Потребовалось десять лет или еще больше, чтобы общество наконец поняло, что лозунги и революционную фразеологию не следует принимать за чистую монету ни в Европе и Америке, ни тем более в странах «третьего мира». Еще в 1998 году один немецкий автор опубликовал психологическое исследование терроризма, целиком основанное на интервью с левыми террористами - хотя подобные персонажи стали к тому времени большой редкостью. Но такое игнорирование действительности уже не было столь распространено, как двумя десятилетиями раньше. В общем и целом, в области теоретизирования на тему терроризма, где когда-то царили оживление, энтузиазм и большие надежды, наступила тишина. Постепенно пришло признание того, что крайне ошибочно было строить далеко идущие обобщения на столь преходящих феноменах, как группа Баадера-Мейнхоф, итальянские «Красные бригады» и их товарищи по оружию в

ряде других стран. Ошибки выходили за рамки вопроса о политической идентификации; исследователи не смогли понять, что при наличии огромной разницы в местных условиях и традициях, характерных для каждой отдельно взятой страны, любое теоретизирование на тему причинности и этиологии было заведомо обречено на провал. Оно не могло влиять на политику, его игнорировали в академическом мире, и в итоге оно сошло на нет.

Если оглянуться с высоты 2000 года на опыт терроризма нескольких предшествующих десятилетий, то станет ясно, что террористические группы-долгожители по своему характеру были националистическими и религиозно фанатическими и что использование таких категорий, как «левый», «правый» или «революционный» в их типологизации ничего не давало для понимания их мотивации. Часто это был терроризм, осуществлявшийся этническими меньшинствами против доминирующего этноса, но почти столь же часто терроризм проводился и одним меньшинством против другого (как в бывшей Югославии) или же большинством против меньшинства, живущего в его среде (как, например, в Египте). Отсюда возникало много важных вопросов относительно источников фанатизма – этнического и религиозного – и их симбиоза: почему, например, терроризм расцвел гораздо сильнее в Шри Ланке, чем в других странах Юго-Восточной Азии, столкнувшихся с весьма схожими этническими проблемами? Был ли терроризм самоубийц чисто религиозным явлением – или же его источники представляются более разнородными? Терроризм с религиозной окраской возникал на периферии всех мировых и некоторых малых религий, включая христианство, иудаизм и даже буддизм, но был более распространен среди исламских течений (от Филиппин до Средней Азии и Западной Африки), чем в среде иных религий; было ли это случайностью – или же здесь присутствует определенная логика? Какова была роль терроризма, спонсировавшегося государством, который, как никогда раньше, развился в 1980-е и 1990-е гг., и каково его будущее?

Поскольку я писал о терроризме на протяжении двадцати с лишним лет, мне трудно не прийти к выводу, что терроризм, в общем и целом, всегда оказывался бесплодным и что его политические результаты всегда бывали обратно пропорциональны тому шуму, который им создавался, хотя, разумеется, все понимали, что терроризм неизменно и в значительной

степени был ориентирован на общественное восприятие и пропаганду (XIX в.: лозунг «пропаганда действием»). Но и двадцать лет тому назад уже было ясно, что может наступить время - и вероятность того очень велика, - когда волею технологического прогресса в руках маленькой группы лиц окажется оружие беспрецедентной мощности. Эта мысль поначалу пришла в голову писателям-фантастам, и, как это часто бывает, их фантазии в конце концов оказались явью, хотя и немного позже, чем того ожидали.

Сказанное относится к оружию массового поражения - ядерному, бактериологическому и химическому, - а также к уязвимости современного общества перед лицом кибертерроризма. И связано это не только с числом жертв и объемом разрушений, к которым приведет применение такого оружия, но также и с психологическими последствиями (например, паникой) использования новых видов оружия или одной лишь угрозы пустить их в ход.

Все это совпало по времени с всплеском фанатизма. Фанатизм, разумеется, феномен отнюдь не новый; случаи, когда люди умеренных взглядов прибегали к терроризму, в истории весьма редки - если вообще известны. Всплеск, произошедший в конце XX в., имел несколько причин, но прежде всего был связан с влиянием радикальной религии (часто сектантской по характеру) и ростом интенсивности национализма в различных частях мира. Если террористы XIX в. видели в револьвере и изобретении динамита великих уравнилителей, позволявших им бросить вызов тогдашним властям, новые виды оружия, появившиеся к концу XX в., дали маленьким группам людей шанс на сведение счетов со своими врагами и нанесение оным огромного ущерба.

Но не удержит ли террористов сама разрушительность новых типов оружия, поскольку всегда высока вероятность того, что от их применения погибнут не только враги, но и друзья террористов - причем, может быть, в большем количестве? Такой довод, однако, исходил из предположения, что в терроризме присутствует некое рациональное зерно, что терроризм преследует какие-то четкие политические цели. Случалось же такое в прошлом - почему же этому не повториться в будущем? Но подобные допущения игнорировали тот факт, что, чем меньше группа террористов, тем иррациональнее, скорее всего, будут ее действия: разрушение во имя разрушения как таковое вполне может стать целью лиц,

убежденных не только в греховности окружающего их общества, но и в том, что мир в целом не заслуживает права на жизнь и что перед горсточкой избранных стоит священная задача ускорить его разрушение.

В настоящее время мы видим лишь зарю этой новой эры. Если не считать нескольких достаточно дилетантских попыток, мы еще не столкнулись с целеустремленной программой террора, основанного на использовании оружия массового поражения.

На то, чтобы новая тенденция смогла реализоваться, возможно, уйдет больше времени, чем того опасались, и более чем вероятно, что из десяти попыток в будущем девять окончатся полным провалом. Но, учитывая масштабы опасности, сама возможность, что одна из множества атак все же увенчается успехом, становится кошмаром, и относиться к ней следует со всей серьезностью.

Все это не означает, что в ближайшие годы и десятилетия терроризм станет ядерным или биологическим. Подавляющее большинство его проявлений таковыми не будут. Националистический/сепаратистский терроризм, скорее всего, продолжится, равно как и параноидальный терроризм крайне правых. Терроризм крайне левых, может быть, получит новую путевку в жизнь, если подыщет для себя какое-нибудь сравнительно новое «дело» - например, войну с глобализацией или борьбу за права животных.

Термины, которыми мы пользовались для обозначения этого феномена, год от года устаревали и становились, откровенно говоря, все более сбивающими с толку. Понятие «правое крыло», согласно традиционной терминологии, означает верность существующему порядку и традиционным ценностям общества, хотя новая разновидность правых и в Америке, и за ее пределами, напротив, делает все возможное, чтобы их разрушить. «Левое крыло» подразумевает приверженность идеям революционной партии, но одновременно и идеалам Просвещения. Тем не менее, было бы крайне трудной задачей попытаться найти элементы правой или левой идеологии в пропаганде «Тигров освобождения Тамил Элама» - одного из самых успешных движений, уповающих на насилие, которые применяют тактику как партизанской войны, так и террора. То же можно сказать и практически обо всех подобных движениях. Характерные особенности этих групп - фанатизм, нередко, мистицизм сознания, а также то, что их

идеологическая ориентация вне рамок религии или национализма не играет решающей роли.

Все сказанное о «левизне» и «правизне» в значительной степени относится и к термину «терроризм». Хотя понятие «терроризм» лишь с большим трудом поддается точному определению, до относительно недавнего времени в нем видели четко обозначенный феномен. Таковым он предстает теперь все реже и реже - грани между различными видами насилия все больше размываются и становятся менее четкими, чем раньше. В наши дни журналы, специализирующиеся на вопросах терроризма, чаще всего освещают такие темы, как контрабанда ядерных материалов, наркотерроризм, кибернападения, ожидания тысячелетнего царства Христа и - не в последнюю очередь - личные мотивы, которым отдается явное предпочтение перед идеологическими целями. Для простого человека, желающего получить ясные определения и четкие разграничения всего и вся, как это принято в естественных науках, все это выглядит крайне неудовлетворительным, но сложившаяся ситуация - лишь отражение растущего беспорядка в неупорядоченном мире. Термин «терроризм» стал подразумевать столь широкий спектр действий, связанных с насилием, что пришло время заменить его чем-то иным. Если этого до сих пор не произошло, то лишь потому, что никто пока не смог предложить никакого нового термина (или терминов) для его замены.

Эти слова были написаны мной в июне 2001 года. Полученное мною в октябре приглашение написать статью для лежащего перед вами номера журнала дает автору возможность вновь поднять данный вопрос в свете недавних событий.

На протяжении столетий терроризм представлял во множестве обликов, что немало способствовало непониманию его характера, мотивов, целей и способов действия. Терроризм - это не идеология и не политическая доктрина, но прежде всего применение политического насилия, практиковавшегося радикальными элементами буквально каждой части политического спектра. Разумеется, терроризм - это не только метод; он также подразумевает склонность к насилию, которая в одни столетия проявлялась более явственно, чем в другие, и коренится он в одних цивилизациях глубже, нежели в других.

Те, кто пытаются понять феномен терроризма прежде всего с точки зрения политической, обречены постоянно изумляться частым и порой весьма резким сменам его политической

ориентации. В XIX в. - и вплоть до начала I мировой войны - терроризм исходил преимущественно слева; он был анархистским, социал-революционным и, разумеется, национал-сепаратистским, как в случае с ирландским терроризмом. Но в промежуток между двумя мировыми войнами главными носителями терроризма стали крайне правые, часто симпатизировавшие фашизму. Во время II мировой войны терроризм исчез или почти исчез, а в послевоенный период наблюдалось большое количество партизанских движений, но индивидуальный терроризм практически отсутствовал. Затем, в конце 1960-х и в 1970-е гг., произошел внезапный всплеск левого терроризма в Европе, Латинской Америке и других регионах земного шара, что самым нежелательным образом отразилось на системных исследованиях проблемы терроризма, зарождение которых относится примерно к этому же времени. (Следует попутно отметить, что использование в данном контексте терминов «левый» и «правый» крайне проблематично, и автор идет на это с большим нежеланием - по причине отсутствия более подходящей общепризнанной терминологии. Левые террористы не руководствовались принципами Просвещения и Французской революции, а правые были кем угодно, только не консерваторами. Что важно в этом контексте, так это самоощущение левых террористов, которые совершенно определенно настаивали на своей принадлежности к революционным левым.)

В средствах массовой информации, а также среди части ученых, занимавшихся проблемой терроризма, существовала тенденция принимать лозунги террористов за чистую монету, игнорируя при этом предшествующие проявления терроризма. Таким образом, кое-кто в упомянутых кругах пришел к выводу, что терроризм есть новый и беспрецедентный феномен, что терроризм по сути есть ответ на несправедливость и что если бы восторжествовала политическая, социальная и экономическая справедливость, терроризм бы исчез, а посему единственно известное средство уменьшить возможность возникновения терроризма состоит во врачевании тех тягот, стрессов и разочарований, которые лежат в его основе. С этой точки зрения террористы представляли фанатично верующими людьми, доведенными до отчаяния невыносимыми условиями жизни. Они оказывались бедняками или защитниками справедливых требований бедных и угнетенных, а их побуждения получали чисто идеологический характер. Левый

терроризм в то время оказывал определенное влияние и на терроризм националистический. Доктрины и лозунги таких организаций, как баскская ЭТА, отдельные группировки в составе ИРА и различные народные фронты за освобождение Палестины, носили на себе явный отпечаток марксизма-ленинизма. Впоследствии выяснилось, что это было лишь отражением духа времени, явлением неглубоким и непродолжительным, едва ли затронувшим саму основу упомянутых движений, бывших в основе своей крайне националистическими.

Левый терроризм продолжался примерно десять лет, а затем либо выдохся, либо был подавлен в Германии и Италии, Уругвае и Аргентине. А также в Соединенных Штатах. За ним последовала волна терроризма почти исключительно крайне правого толка. Это относится к актам насилия, совершенным в ряде европейских стран против беженцев из-за рубежа, а также к деятельности неонацистских групп в Италии и за ее пределами. Левые террористические ячейки полностью не исчезли, но первую скрипку явно играли уже не они.

Те, кто раньше «с пониманием» относились к тому, что ими считалось оправданным недовольством («недовольство» стало ключевым словом), и якобы понимали его корни, оказались в тупике. Самый кровавый и жуткий террористический акт, случившийся в США до событий 11-го сентября 2001 года, произошел в Оклахома-Сити, и никто не отрицал, что у Тимоти Мак-Вея имелись глубокие основания для недовольства и он их остро переживал.

Там было недовольство «Дневников Тёрнера», обида за Америку, захваченную иностранцами и дегенератами, мысли о священной обязанности всех патриотов очистить страну реками крови. Короче говоря, мы имели дело с мировоззрением фашистов самого отъявленного толка. И речь здесь идет не о каком-то одном человеке - то же самое можно сказать и об убийцах Анвара Садата, Ицхака Рабина или Махатмы Ганди. Их убийцы принадлежали к правому фанатически националистическому подполью, абсолютно убежденному в том, что, ликвидируя изменников, оно выполняет свой патриотический долг. Концепция «революционного насилия» явно неприменима в случае этих террористов; точно так же наличие бедности, угнетения или просто неконтролируемого гнева не может объяснить поджогов гостиниц для беженцев в Германии или неслыханные зверства, творимые террористами-исламис-

тами в Алжире не против иностранцев, а против своих же единокровных сограждан.

В 1980-е и 1990-е гг. во всем мире происходят политические, социальные и технико-технологические сдвиги, открывающие перед террористами небывалые возможности нести смерть и сеять хаос. Возникает цепь обстоятельств, своим появлением обязанная трем не связанным между собой тенденциям.

В результате технического прогресса развитые общества стали гораздо более уязвимы для нападения, чем когда-либо в прошлом. (Мегаполисы «третьего мира» тоже стали уязвимее, но политические последствия этого могут заставить себя ждать несколько дольше.)

Традиционное оружие террористов обрело большую смертоносность в результате усовершенствования взрывчатых веществ - их мощность и разрушительная сила значительно возросли. В то же время оружие массового уничтожения - ядерное, биологическое и химическое - становилось все более доступным для относительно небольших нелегальных групп. И, наконец, во многих регионах земного шара обозначился всплеск религиозного фундаментализма, на периферии которого возникли и приступили к террористическим вылазкам радикальные экстремистские группы.

То, что западные общества стали более уязвимы для нападения еще до начала «века кибернетики», - факт очевидный и в пространных пояснениях не нуждающийся. До середины XIX в. какой-либо группе лиц, горящих желанием уничтожить своих врагов, пришлось бы буквально ходить из дома в дом, чтобы выследить жертву и убить ее. Чтобы стало возможным парализовать целые города, понадобилось создание электростанций, централизованного водоснабжения и других технических новшеств, централизовавших городское хозяйство. Верно, что еще в 1840-е гг. некоторые философы-бомбисты уже предвидели создание оружия массового уничтожения, с помощью которого, как они предсказывали, можно будет уничтожать целые города со стотысячным населением. Использование ядовитых газов и баллистических ракет предвидел Карл Гейнцен - пламенный, хотя и несколько неуравновешенный немецкий революционер. Но в то время все это было лишь научной фантастикой терроризма; Гейнцен и его сторонники не пошли таким путем - революционер стал издателем газет, выходивших на немецком языке в Луисвилле (штат Кентукки) и в Бостоне (штат Массачусетс). Когда спусти

несколько десятилетий Альфред Нобель изобрел динамит, многие расценили это как поворотную точку в истории терроризма. Но первые бомбы все еще были слишком тяжелы, громоздки и опасны в изготовлении; только с миниатюризацией взрывчатых устройств в XX в. появилась возможность террористических актов, гораздо более масштабных, чем прежде.

С изобретением самолета террор переходит в следующее измерение; еще перед I мировой войной о возможностях аэроплана задумываются российские революционеры, а их ирландские коллеги помышляют об использовании подводных лодок. Но все эти идеи пока преждевременны - пройдет еще немало лет, прежде чем фантазии превратятся в реальную возможность.

Но кто мог ею воспользоваться? Не традиционные разновидности террористов, левых, правых или национал-сепаратистских. Настоящий терроризм сделался теперь гораздо более жестоким и неразборчивым: сто лет назад террористы воздержались бы от нападения, если бы их жертву по воле случая в тот момент сопровождали члены семьи или если существовала опасность, что погибнут невинные люди. Террористы второй половины XX в. убедили себя, что виноваты все и что слепое убийство допустимо, если преследует политические цели. Но даже и они поколебались бы прибегнуть к массовому убийству в экстраординарных масштабах - отчасти из чисто практических соображений (возможность гибели собственных друзей и сочувствующих), но также и потому, что подобные действия оттолкнули бы их сторонников и шли бы вразрез с традицией террора. Они ненавидели врагов, но ненависть не ослепляла их полностью.

Убийства и разрушения в беспрецедентных масштабах, напротив, оказались вполне морально допустимыми для религиозных радикалов - практиков нового терроризма. Последняя треть XX в. была временем роста радикальных групп на периферии нескольких религий. Почему возникли подобные процессы - до сих пор не совсем ясно; в мусульманском мире они могли быть результатом утраты былой привлекательности другими радикальными идеологиями: фашизм и коммунизм провалились, и отсюда возникла потребность в иных наборах верований, а коли таковые оказывались трансцендентальными, то от этого они становились еще сильнее. Не исчез и

радикальный национализм, но теперь он все чаще и чаще приобретал религиозную окраску.

Такие же тенденции обнаруживались и у христианских сект, ожидающих наступления тысячелетнего царства Христова. Именно с этой стороны, по мере того, как столетие - а вместе с ним и тысячелетие - приближались к концу, службы безопасности в различных частях света с возрастающей тревогой ожидали террористических нападений, которые, к большому их облегчению, так и не состоялись. Но такие опасения были отнюдь не беспочвенны, поскольку, в принципе, от веры в то, что мир глубоко коррумпирован и греховен, а искупление может принести только массовый катаклизм - армагеддон, последняя и решающая битва между добром и злом, - до решения принять участие в этой битве всего лишь один шаг. В среде малочисленных экстремистских иудаистских группировок Израиля царило то же самое убеждение в неизбежности решительной битвы - Гога и Магога - между силами добра и зла, и кое-кто даже полагал, что если этот процесс можно будет ускорить с помощью провокации - например, уничтожив мусульманский храм, то их прямая обязанность - подтолкнуть историю в нужном направлении.

Радикальные религиозные группы в мусульманском мире были особенно сильны и склонны к насилию. Если мы сегодня посмотрим на карту распространения терроризма в мире, то окажется, что почти 90% всех конфликтов на субгосударственном уровне, где так или иначе присутствует терроризм, приходится на долю мусульманских стран или мусульманских меньшинств - от Филиппин и Средней Азии до Среднего Востока, Нигерии, Алжира и Балкан. Так было не всегда, и нет причин полагать, что так всегда и будет, но относительно сегодняшней ситуации двух мнений быть не может. Существуют, правда, и другие террористические группы и группировки, продолжающие давно уже начатую ими борьбу, например, в Ирландии, Стране басков, Греции или Шри Ланке. Но все они относительно немногочисленны, локальны и маловажны по сравнению с терроризмом радикальных исламистских группировок. Чем вызван этот всплеск террористического насилия? Утверждается, что, где бы мусульмане ни жили, они всюду подвергаются угнетению и преследованиям и что данный вид терроризма представляет собой естественный на то ответ. Такое объяснение могло бы звучать убедительно до I и даже до II мировой войны, когда

существовала лишь горсточка независимых исламских государств. В настоящее время, правда, остаются еще отдельные мусульманские меньшинства, которым не удалось добиться для себя автономии или независимости, но то же самое можно сказать и о многих немусульманских меньшинствах. После 1948 года появились десятки мусульманских государств, где живет теперь огромное большинство мусульман; если там и есть угнетение, то угнетают мусульман их же единоверцы и соотечественники. Правда, нельзя отрицать, что во многих странах, где имеются мусульманские меньшинства, особенно в странах Запада, Европе и России, а также в меньшей степени в Америке, возникла известная напряженность.

Может ли рост насилия интерпретироваться как результат столкновения между цивилизациями? Сомнительно. Самые кровавые конфликты происходили в недавнем прошлом не между мусульманскими группировками и мусульманскими государствами - с одной стороны, и Западом - с другой, а между самими мусульманскими государствами и общинами. Это относится как к конфликтам на межгосударственном уровне (Ирано-иракская война и иракское вторжение в Кувейт, а также война, которую Насер вел в Йемене), так и к внутренним конфликтам, например, к террору, развязанному алжирскими исламистами против собственных соотечественников и уже унесенному, по некоторым оценкам, до 70 тысяч жизней. Сказанное относится и к репрессиям против курдов, и к гражданской войне в Афганистане. И ко многим покушениям - удавшимся и неудавшимся - на жизнь многих арабских и мусульманских лидеров (Садат, Мубаррак и целый ряд политических деятелей в Алжире, Афганистане, Иране и Ливане).

Это с неизбежностью породило рассуждения о том, нет ли в исламе какого-нибудь особо агрессивного элемента, вдохновляющего терроризм, причем найти соответствующие исторические прецеденты не составляет особого труда - взять хотя бы пресловутую секту ассасинов. В век империализма мусульманский терроризм существовал как в Индии, так и в Египте, но случаи его были редки, он никогда не становился главным течением какого бы то ни было общественно-политического движения и вдохновлялся тогда скорее национализмом, чем религией. Как уже говорилось, недавний взлет исламского радикализма с большими на то основаниями можно объяснить упадком других политических доктрин, например, нацио-

нализма и социализма, в результате чего возник вакуум; принятие исламистской доктрины арабскими интеллектуалами, прежде исповедовавшими марксизм, - наглядное тому подтверждение. Хорст Малер, идеолог и один из руководителей группы Баадера-Мейнхоф, в 1990-е гг. стал глашатаем крайне правых взглядов; на Среднем Востоке таких Малеров было очень много. Изменение «духа времени» привело к отрицанию западного образа жизни и западных ценностей, к восстанию против современности как таковой, а в крайних случаях - к призывам начать священную войну.

Западной цивилизации подобные тенденции тоже были знакомы отнюдь не понаслышке. В конце концов, идея крестовых походов принадлежит не исламу, и христианство тоже вело свои «священные войны». Европейский фашизм, помимо всего прочего, представлял собой бунт против Запада, Просвещения и гуманизма, и можно провести интересные параллели, сопоставляя некоторые европейские фашистские движения (например, в Румынии, а также испанскую Фалангу на заре ее деятельности) с радикальным исламизмом. Эти движения, в отличие от нацистской Германии и фашистской Италии, в духовном плане были мистико-религиозными; тем же характеризовалось и их отношение к мученичеству и смерти. Но в Европе идея крестовых походов вышла из моды уже много столетий назад, исчез и клерикально-фашистский культ, тогда как в мусульманском мире концепция джихада, напротив, возродилась. Если во всем остальном мире общим направлением развития стали культурный плюрализм и сосуществование религий, то современный ислам эта тенденция обошла стороной.

Но связь между этим радикально фундаменталистским возрождением и уходом в терроризм не столь непосредственна, как может показаться на первый взгляд. Мусульманский фундаментализм принимает ряд форм, часто он весьма квиетичен. Саудовская Аравия в десятках стран финансирует деятельность исламистов, которая, в частности, ведется в мечетях и учреждениях культуры, являющихся центрами вербовки террористов; у себя дома саудовцы ничего подобного не позволяют. Более того, часто забывается, что многие из тех, кто в наше время призывал правоверных мусульман к вооруженной борьбе, например, Саид Кутб (повешенный по приказу Насера в 1966 году), настаивали на первоочередности свержения (коррумпированных) правительств арабских стран,

поскольку, как считали они, джихад сможет увенчаться успехом только при новом руководстве. Некоторые из учеников Кутба продолжили борьбу в стиле своего наставника, но большинство экстремистов поменяло порядок приоритетов: террор против собратьев-мусульман становится менее популярен, чем акции против ненавистных неверных, - начинаются нападения на безбожников Запада.

Кроме того, представляется сомнительным, что всплеск терроризма можно объяснить чем-то происходящим по большей части (тем более - исключительно) в области истории идей, - например, неспособностью западных идеалов и ценностей укорениться в исламском мире. По всей вероятности, данный всплеск можно с таким же основанием приписать разочарованию в собственных достижениях на фоне того, что было достигнуто не только Западом, но и Индией, Китаем, Кореей, Тайванем и Японией. Указанные страны добились значительного прогресса в сфере экономики (и не только экономики), тогда как Средний Восток (за исключением лишь некоторых стран-производителей нефти) стагнировал или, подобно Африке, демонстрировал отрицательные темпы роста. Последовал рост нищеты и безработицы; молодежь, получившая образование, не могла найти работу по специальности, что, в свою очередь, усилило недовольство против тех, кто относительно преуспел, появилось желание винить в своих несчастьях иностранцев; самокритикой заниматься никто не стал - слишком болезненно и непатриотично. Утверждается, что средневосточная экономика стагнировала на протяжении пяти столетий; но ведь до начала XIX в. стагнировал и Запад, и причин для зависти и недовольства тогда не существовало. Начиная с XIX в., Запад, а позднее и Дальний Восток быстро развиваются, тогда как Средний Восток остается далеко позади.

Разочарование связано и с тем, что полностью отсутствовал прогресс в деле создания каких бы то ни было демократических институтов. Потребность в политической демократии, если судить по результатам общественного мнения, не особенно велика - лишь 10% опрошенных высказалось за создание такой политической системы. Однако свободы очень мало и на местном уровне; как признают арабские критики, положение в культурно-интеллектуальной области также плачевно. Но самым важным представляется то, что и в военном отношении эти общества также не смогли самореализо-

ваться (неоднократные поражения Пакистана в войнах с Индией, победы Израиля над его арабскими соседями). Все это привело к созданию климата разочарования и негодования, столь благоприятного для возникновения терроризма. Подчас бывает трудно определить, в какой степени превалирующая идеология, возникшая вследствие столь печального состояния дел, является радикально исламистской, националистической или исламо-националистической, а вывести какие-нибудь обобщения тем более невозможно, ибо ситуация меняется как с течением времени, так и от места к месту. Но общим знаменателем этой идеологии всегда остается убеждение, что все несчастья исходят от внешнего врага. В итоге возникают негодование и ненависть, не разделяемые населением Японии, Китая или Индии лишь вследствие того огромного прогресса, который был достигнут названными странами за последние пятьдесят лет, благодаря чему там нет никаких причин для появления комплекса неполноценности перед лицом Запада.

Каковы же характерные особенности нового терроризма? Фанатизм, который находит свое самовыражение, помимо всего прочего, в бомбах террористов-самоубийц, а также в решимости убивать без разбора... Вопреки распространенному мнению, бомбисты-самоубийцы - феномен в истории терроризма отнюдь не новый. Более того, до относительно недавнего прошлого терроризм достаточно прочно ассоциировался с самоубийственными акциями. Потому что главным оружием нападающего, как правило, был кинжал, и если только жертву не заставляли врасплох и без защиты, сикарии еврейской истории и ассасины исламского средневековья рисковали не вернуться живыми со своих заданий. Террор продолжал оставаться занятием вполне самоубийственным почти до конца XIX в., потому что кустарные бомбы анархистов и российских революционеров были крайне ненадежны и часто взрывались в руках нападающих, а бросать их к тому же приходилось с очень близкого расстояния. Те, кто шел на задание такого рода, полностью осознавали связанный с ним риск, и многие из них писали прощальные письма родным и близким. Только с появлением в XX в. более совершенного оружия, а также с ростом вседозволенности в среде террористов, когда убивать ни в чем не повинных людей стало в порядке вещей, террор утратил значительную долю риска.

Тем не менее и в наше время акции бомбистов-самоубийц практикуются отнюдь не только террористами из исламских стран. Они стали излюбленной тактикой «тамильских тигров» в Шри Ланке, которые на протяжении ряда лет провели около 180 таких операций у себя в стране и в Индии (Раджив Ганди, один из погибших от их рук, был убит бомбой террористки-самоубийцы). Общая численность тамилы Шри Ланки (они, кстати, не мусульмане и религиозно не мотивированы) не превышает нескольких миллионов человек, так что в этой стране количество террористов-самоубийц на душу населения гораздо выше, чем в мусульманских обществах. Акции бомбистов-самоубийц - впрочем, не столь многочисленные, практиковались в последнее десятилетие и другими террористическими движениями.

Обобщенный «словесный портрет» мусульманского бомбиста-самоубийцы пока еще не создан, и все, что об этих людях можно сказать, сводится к следующему: за малыми исключениями все они очень молоды, глубоко индоктринированы и почитают за честь принести себя в жертву ради интересов своей группы, страны или религии, убеждены при этом, что смерть означает всего лишь конец их земного существования, и в будущем им суждена более высокая и радостная форма бытия. Что же касается секулярно мыслящих бомбистов-террористов, которых ждет не рай, но некая патриотическая Валгалла, то сказанное выше вполне можно отнести к тем четырем тысячам молодых японцев, которые добровольно записались в камикадзе в конце II мировой войны, или к бойцам элитных соединений СС, рвавшимися на самоубийственные задания, когда военная машина нацизма уже полным ходом шла к своему окончательному поражению.

Выявить психологические, культурные и квазирелигиозные мотивы самоубийственных террористических акций гораздо легче, чем объяснить феномен фанатизма, играющего центральную роль в новом терроризме. Фанатизм почти всегда присутствует в любой из цивилизаций, но в прошлом он не обязательно проявлял себя в виде террористических действий. В наше время фанатизм гораздо чаще встречается в одних обществах и культурах, нежели в других, и психиатрия мало чем смогла помочь в истолковании данного феномена. Психиатры старались не заниматься этим предметом, не будучи уверены, что он относится к их «епархии»; криминологи избегали обсуждать зло, поскольку зло, даже

самое реальное, является скорее теологической концепцией, нежели социально-научной категорией. Безумие, особенно паранойя, играет определенную роль в современном терроризме; нет нужды говорить, что не все параноики - террористы, но все террористы верят в существование заговоров со стороны могущественных враждебных сил, то есть страдают той или иной формой мании преследования.

Если трудное детство и другие формы лишений могут объяснить умовосприятие некоторых преступников, склонных к насилию, то такой фон абсолютно ничего не значит в случае серийных убийц. Аналогичным образом, представляется совершенно бесплодным даже пытаться интерпретировать коллективный или индивидуальный менталитет террористов, оперируя одними лишь социальными категориями, как то: национальное или социальное угнетение, мессианская вера, форма протеста против несправедливости и т. д. Элемент преступности и безумия играет особенно важную роль в самых кровавых террористических кампаниях типа алжирской; к сожалению, существование этого ингредиента нового терроризма признается исследователями весьма неохотно. Данный вопрос еще предстоит изучить без какой-либо предвзятости.

Некоторые террористические кампании продолжались дольше других, но все они рано или поздно заканчивались - не станет исключением и нынешняя волна терроризма. Если радикальные исламистские группы и находятся сегодня на передовой терроризма, то едва ли такая ситуация продлится вечно: какие-то группы, вероятно, будут разгромлены, какие-то, может быть, выдохнутся. Уже сейчас готовность принять участие в актах насилия наименее типична для населения именно тех стран, где люди были вынуждены существовать в условиях фундаменталистских режимов или подвергались эксцессам со стороны фундаменталистов (Афганистан, Иран, Алжир). Кадры для террористов поставлялись в основном пакистанскими медресе или аналогичными заведениями в Европе. Бессмысленно пытаться прогнозировать, адепты каких радикальных религиозных течений или идеологий создадут в будущем террористические группы - будут ли это фанатики-экологи или еще кто-нибудь. В принципе, терроризм может возникнуть на периферии практически любой идеологии или культа. Поскольку оружие массового уничтожения наделит малочисленные маргинальные группы небывалой мощью, а за состояние психики

горсточки лиц будет по-прежнему невозможно ручаться, вполне вероятно, что оно обретет еще более важную роль в будущем по сравнению с прошлым или настоящим.

Сколь велика вероятность использования оружия массового уничтожения в недалеком будущем и кто его может применить? Это отчасти зависит от успеха или неудачи нынешней кампании против терроризма. Если она окажется успешной, террористические движения (в отличие от немногочисленных радикальных групп, чьи мотивы неопределимы, а действия непредсказуемы) еще трижды подумают, прежде чем решатся использовать ядерное оружие, ядовитые газы или бактериологические препараты. Кроме того, сентябрьские события 2001 г. убедительно показали, что разрушительный потенциал есть и у сегодняшнего оружия, если оно попадает в умелые руки. То, что отдельные террористические группы уже задумывались о применении оружия массового уничтожения, факт хорошо известный. Следовательно, готовиться к подобной возможности совершенно необходимо.

Нет ни Клаузевица, ни Макиавелли, чьи труды послужили бы пособием по терроризму и контртерроризму. Но опыт прошлого и здравый смысл все же дают нам весьма важные подсказки в этом отношении. Ни одно общество не в состоянии защитить от террористического нападения всех своих граждан. Но общество может снизить такой риск, не замкнувшись в обороне, а перейдя в наступление, заставив бежать самих террористов. В предыдущие периоды истории терроризм был не более чем досадным неудобством, но в результате технологического прогресса и прочих тенденций, о которых говорилось выше, общество стало гораздо уязвимее, а опасность терроризма, соответственно, существенно возросла. В прошлом государство и общество сохраняли относительное хладнокровие перед лицом террористов - если угоняли один самолет, другие продолжали летать, если грабили один банк - другие продолжали работать, если убивали одного политика - другие из кожи вон лезли, чтобы занять его место. Существовала опасность, что государство отреагирует на нападение непропорционально жестко, но в век оружия массового уничтожения говорить об излишней жесткости уже не приходится.

Трудно себе представить, что мир без терроризма возникнет в обозримом будущем, потому что это означало бы мир без конфликтов и напряженности. Всегда останутся

какие-то группы лиц - малочисленные или не столь уж малочисленные, -испытывающие чувство недовольства по отношению к другим группам и склонные к насилию. Некоторые из их претензий окажутся вполне обоснованными; решаться они должны в политической сфере. Другие могут быть оправданными, но пересекаться с равно справедливыми претензиями со стороны какой-либо иной группы. Наконец, существует вероятность возникновения претензий совершенно безумного свойства - такую ситуацию невозможно разрешить в рамках рационального диалога или с помощью всех известных методов улаживания конфликтов. Но при всем том было бы ошибочным сосредоточить все внимание только на существующей ныне угрозе. Движения, вдохновляемые религиозным или радикальным фанатизмом, не вечны. Прошлый опыт показывает, что начальный фанатизм быстро выдыхается из-за внутренних раздоров, неудач в террористической борьбе или появления нового поколения с другими приоритетами. Иными словами, вполне возможно, что главная опасность для цивилизации придет совсем не оттуда, откуда она исходит сегодня. Но большого утешения в этом нет, потому что даже если политико-религиозная ориентация террористов и изменится, их возможность нанести недопустимо большой ущерб обществу останется прежней. Следовательно, приходится сделать заключение, что мир входит сегодня в новую фазу своей истории - самую опасную из всех, которые он знал прежде. Если в недавнем прошлом сдерживающей силой было ядерное равновесие, то найти какие-либо сдерживающие силы в будущем окажется гораздо труднее.

С английского перевел А. Юрасовский
(перевод не авторизованный)

Статья: *Reflections about Terrorism, Old and New* из сборника *Transnational Terrorism in the World System Perspective*, R. Stemplowski (ed.), Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa 2002, p. 167-182.